

УДК 821.161.1

СОБЫТИЯ 1812 ГОДА В ОСМЫСЛЕНИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Можарова М.А.

В статье проанализированы произведения классиков русской литературы и проповеди святителя Феофана Затворника, в которых рассматривается тема 1812 года, ставшего для русских людей временем истинного самопознания. Волею Провидения Россия была проведена через спасительное для нее очистительное страдание. Увлеченные западным просвещением, бездумно отдавшие себя в добровольный духовный плен современники тех грозных событий, обратились к вере, покаянию и молитве. Урок 1812 года, ставший предметом размышлений и для православных пастырей, и для русских писателей, навсегда останется живым назиданием для потомков.

Ключевые слова: война 1812 года, русская литература, Феофан Затворник, покаяние, молитва, Церковь, общество.

THE EVENTS OF 1812 IN THE COMPREHENSION OF RUSSIAN WRITERS AND ST. THEOPHAN THE RECLUSE

Mozharova M.A.

The article analyzes works of the Russian literature classics and about sermons of St. Theophan the Recluse covering the topic of 1812, which became the time of the true self-knowledge for the Russian people. By the will of Providence Russia was carried through the purgatorial suffering for salvation. Being enthusiastic about western education, contemporaries thoughtlessly sacrificed themselves in voluntary spiritual captivity of those terrible events have finally turned to faith, repentance and prayer. Lessons of 1812 that became a matter of thought for both the Orthodox pastors, and for Russian writers, will forever remain poignant reminder for the descendants.

Keywords: 1812 war, Russian literature, Theophan the Recluse, repentance, prayer, Church and society.

В день празднования Рождества Христова Русской Православной Церковью совершается также «Воспоминание избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати язык в 1812 году» [1, с. 527]. Один из очевидцев и непосредственных участников тех событий, автор знаменитых «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинка, под датой *28 декабря* поместил следующее размышление: «Наполеон за Неманом! Уже нет ни одного врага на земле русской! <...> Итак, зачем приходил Наполеон в Россию? Вот вопрос, для разрешения которого будут писать целые книги» [2, с. 181]. Предсказание русского поэта и воина Федора Николаевича Глинка сбылось. Русские писатели XIX века в поэтических и прозаических произведениях отвечали на этот вопрос. Великая русская литература, просвещенная светом Православия, дала духовную оценку событиям 1812 года. Именно в этом заключается первостепенная значимость ее художественных образов и авторских размышлений, связанных с темой Отечественной войны.

Обобщенный ответ на главный вопрос грозного века: «Зачем приходил Наполеон в Россию?» – был дан святителем Феофаном, Затворником Вышенским. Обращаясь к Тамбовской пастве в 1860 году, в праздник Рождества Христова, епископ Феофан (в связи с благодарственным молебным пением, совершаемом после литургии в этот день) вспомнил о 1812 годе: «Нас увлекает просвещенная Европа! Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие. И оттуда уже перешли они к нам и переходят. Дохнувши этим чадом адским, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня. Но, бр<атья>, припомним 12 год. Зачем это приходили французы?.. Бог послал их истребить то зло, которое мы у них переняли дотоле. Тогда покаялась Россия, и Бог помиловал ее. Но вот, кажется, начал забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией:

тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, голосом Церкви утверждаемое, как ныне же услышите вы в молитве на молебне. Ведайте, что Бог поругаем не бывает» [4, с. 357].

Французы – недавние кумиры и властители умов получили в 1812 году, по словам Ф.Н. Глинки, справедливое прозвание «обесчеловечившегося народа» [2, с. 173]. Зрелище поруганных святынь, разоренных городов и селений заставило прельщенных Западом русских людей иначе взглянуть на историю Отечества и задуматься о причинах, приведших ко всеобщему бедствию. Словам святителя Феофана о пагубности влияния «просвещенной Европы» созвучно размышление Ф. Н. Глинки: «Французам вверено было драгоценнейшее сокровище в государстве – воспитание юношества. И французы, обращая все сие во зло для нас, извлекали из всего возможнейшую пользу для себя. Наполеон не прежде решился идти в Россию, пока не имел там тысячи глаз, вместо него смотревших; тысячи уст, наполнявших ее молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи ушей, подслушивавших за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных. Таким-то образом, подрывая коренные свойства народа, заражая нравы, ослепляя умы, соблазняя сердца лестью и золотом, одерживал он заранее победы в сей тайной, но всех других опаснейшей войне» [2, с. 191].

Картины господства французского духа на русской земле во множестве представлены в произведениях писателей начала XIX века. Поэт пушкинской поры Владимир Сергеевич Филимонов, до мелочей описавший в поэме «Москва» быт и нравы допожарной столицы, с едкой иронией заметил:

У барынь, барышень француз

Обрезал косы, снял снуровки,

Обстриг вертлявые головки

Барашками, à la Brutus... [9, с. 205-206]

(*À la Brutus* – означает «как животных», «как скот»)

Отечественная война, по словам Ф.Н. Глинки, переродила русских людей. Даже гнев их стал обращаться не только на завоевателей, но и на предметы,

символизировавшие иноземное присутствие. Так, о Сергее Николаевиче Глинке его брат Федор Николаевич 2 сентября сообщает: «Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против зараз французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России» [3, с. 419]. Сам же Сергей Николаевич к рассказу о том, как он, «кипя досадою», «разбивал зеркала и рвал книги в щегольских переплетах», добавил важное замечание, прекрасно характеризующее русского человека вообще и его отношение к материальным ценностям: «Французам не пеняю <...> они ничего у меня не взяли, а отняли у себя прежнее нравственное владычество в Москве» [3, с. 423].

По словам святителя Феофана, французы были посланы Богом, чтобы истребить то зло, которое мы у них же переняли. Яркое и лаконичное описание этого истребления находим у Сергея Николаевича Глинки в «Записках о 1812 годе»: «Горели палаты, где прежде кипели радости земные, стоившие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по тем улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт человечества. Горели наши неправды, наши моды, наши пышности, наши происки и подыски – все это горело <...>» [3, с. 423].

Что стало причиной пожара Москвы? Этим вопросом задавались все писавшие о 1812 годе. С.Н. Глинка ответил на него так: «... при Наполеоне Москва отдана была на произвол Провидения. В ней не было ни начальства, ни подчиненных. Но над нею и в ней ходил суд Божий. Тут нет ни русских, ни французов: тут огонь Небесный» [3, с. 424]. И солдаты когда-то великой армии, грабившие и уничтожавшие Москву, и их полководец были лишь орудиями Промысла Божия. По словам С.Н. Глинки, слава московского пожара не может принадлежать завоевателю Наполеону, она по праву принадлежит Москве, «страдавшей и отстрадавшей и за Россию и за Европу» [3, с. 434].

Россия в 1812 году принесла искупительную жертву, пройдя, говоря словами Ивана Васильевича Киреевского, через *очистительное страдание*. Размышляя в повести «Остров» (1838 г.) о событиях французской революции и о наполеоновском «грозном веке», Киреевский спрашивал: «И для чего Провидение послало или, по крайней мере, допустило это страшное явление? Какая польза произойдет из него для человечества?» [5, с. 179]. Кровавый пожар на Западе представляется писателю неизбежным и заслуженным возмездием: «...может быть, эта кровь, эти жертвы – только страшное наказание просвещенному человечеству за ложь в его просвещении, – очистительное наказание человеку за расслабление его сердечных сил, за вялость и ограниченность его стремлений, за притворство в вере, за корыстное искажение святыни, за несочувствие к угнетенным, за презрение прав бессильных, за легкомыслие, за коварство, за изнеженность, за забытие меньшей братии Сына Человеческого, за оскудение любви?..» [5, с. 180]. Провиденциальный смысл описываемых событий стал главным предметом авторского исследования в повести. Наполеоновские походы и бесславно окончившееся нашествие на Россию представлены в «Острове» как единое, обусловленное глубокими причинно-следственными связями событие.

Положить конец владычеству того, чьей силе, казалось бы, не было границ, суждено было, по воле Провидения, не Европе. Властелин, перед которым падали царства, ушел с исторической сцены лишь тогда, когда была выполнена его промыслительная задача в отношении России. Этот царь, «венчанный коварством и дерзостью»:

Исчез, как утром страшный сон!

Так написал о Наполеоне юный Пушкин в 1814 году («Воспоминания в Царском Селе»).

Утоленная жажда власти, презрение к человечеству не стали залогом подлинного величия. В нравственной глухоте этого человека поэт увидел истоки его исторической слепоты. Размышления об этом находим и в

стихотворении «Наполеон», написанном Пушкиным в 1821 году по получении известия о смерти «самовластительного злодея»:

*Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...*

Казалось бы, Наполеон все *предвидел*, все *предузнал* (Пушкин использует эти слова), но фортуна изменила расчетливому «баловню побед». Планы Наполеона сокрушены были силой, не подвластной его воле, и искупить злодеяния ему суждено было уже при жизни «тоскою душного изгнания».

Тема злодеяний и расплаты за них не является, однако, главной в этом стихотворении. Поэт начал его словами:

*Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.*

Отчего Наполеон назван «великим»? Отчего должен быть «омрачен позором» тот, кто «безумным возмутит укором его развенчанную тень»? Отчего над «великолепной могилой» «луч бессмертия горит»? Пушкин ответил на эти вопросы в последних строках стихотворения:

*Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал...*

Тиран предстал в глазах поэта *великим* лишь потому, что исполнил *великую* задачу, определенную Промыслом Божиим, – его злые дела способствовали пробуждению русского национального самосознания. Сам же владыка полумира, «презревший правды глас, и веру, и закон», величия недостойн.

«Помазанником собственной силы», увенчавшим главу «самозданным венцом», назвал Наполеона и Алексей Степанович Хомяков в стихотворном цикле, написанном по поводу перенесения праха императора с острова Святой Елены в Париж в 1840 году [6, с. 192]. Воля гордого безумца, по словам поэта, была сломлена силой Божией:

*Не сила народов повергла тебя,
Не встал тебе ровный соперник;
Но Тот, Кто пределы морям положил,
В победном бою твой булат сокрушил,
В пожаре святом твой венец растопил
И снегом засыпал дружины.*

Предваряя приговор, вынесенный Наполеону позже автором «Войны и мира», Хомяков отказал в величии этому человеку:

*Перед сном его могилы
Скажет мир, склонясь главой:
Нет могущества, ни силы,
Нет величья под луной!*

В повести Киреевского «Остров» Наполеон являет собой яркое воплощение бездушного рационализма: «Когда другие жили, он считал; когда другие развлекались в наслаждениях, он смотрел все на одну цель и считал <...> Вся жизнь его была одна математическая выкладка, так что одна ошибка в расчете могла уничтожить все гигантское построение его жизни» [5, с. 183]. И вот «ошибка сделана», «исполин пал», «в великодушном самоубийстве сгорела древняя столица; его дружина погибла в снегах Севера; его царский венец на главе другого; его барабаны замолкли; его могущество в рассказе школьных учителей!» [5, с. 203].

«Действие совершено. Последняя роль сыграна. Актеру велено раздеться и смыть сурьму и румяны: он больше не понадобится», – читаем в «Войне и мире» Л.Н. Толстого [7, с. 245].

Вслед за Пушкиным, Киреевским и Хомяковым, Толстой представляет Наполеона орудием Промысла Божия и отказывает ему в подлинном величии, ибо, по убеждению автора «Войны и мира», «нет величия там, где нет простоты, добра и правды» [7, с. 165].

В авторском комментарии к повествованию о Наполеоне в романе-эпопее отчетливо звучит мысль о том, что все события в жизни этого человека имеют промыслительное значение и что «ход мировых событий предопределен свыше» [7, с. 221]. Начиная с французской революции, пишет Толстой, «приготавливается тот человек, который должен стоять во главе будущего движения и нести на себе всю ответственность имеющегося совершиться». Человек «без убеждений, без привычек, без преданий, без имени, даже не француз, самими, кажется, странными случайностями продвигается между всеми волнуемыми Францию партиями и, не приставая ни к одной из них, выносится на заметное место» [7, с. 240]. Попытки этого человека «изменить предназначенный ему путь не удаются: его не принимают на службу в Россию, и не удается ему определение в Турцию. Во время войн в Италии он несколько раз находится на краю гибели, и всякий раз спасается неожиданным образом» [7, с. 240-241]. «Он один, с своим выработанным в Италии и Египте идеалом славы и величия, с своим безумием самообожания, с своею дерзостью преступлений, с своею искренностью лжи, – он один может оправдать то, что имеет совершиться» [7, с. 241-242]. Толстой убежден, что все события в жизни Наполеона имеют глубокий, скрытый от него самый смысл. Пока «роль его» еще была не кончена, «миллионы *случайностей* дают ему власть, и все люди, как бы сговорившись, содействуют утверждению этой власти», но как только нашествие «достигает конечной цели – Москвы», «все случайности постоянно теперь уже не за, а против него» [7, с. 242, 243]. Упорствующий в слепоте своей гордый ум и рассудочная злая воля «великих людей», по словам писателя, не противоречат отведенной им роли «ничтожнейших орудий истории» [7, с. 183]. Для Толстого, как и для его предшественников, провиденциальный характер всех событий жизни Наполеона очевиден.

В 1812 году Россию спасли не только доблесть ее защитников и сила оружия. Россию спасло всенародное покаяние. Об этом говорил святитель Феофан Затворник. О том же свидетельствовал очевидец событий – святитель Филарет (Дроздов) в «Рассуждении о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне» (1813 г.): «Продолжение и возрастание общей опасности нигде не могло быть примечено, разве при алтарях, где моления становились продолжительнее, возрастало число притекающих» [8, с. 314].

Во все времена русские люди связывали надежду на избавление от всевозможных бед и вражеских нашествий с покаянием, постом и молитвою. В «Войне и мире», по замыслу автора, понимание духовного смысла совершающихся событий дается не только Кутузову, княжне Марье, простым русским солдатам, но и воспитанной гувернанткой «графинечке» Наташе Ростовой. Толстой наделяет свою героиню пониманием того, что от степени греховности ее собственной жизни зависит судьба отечества. Сблизив узел всего романа – историю увлечения Наташи Анатоном Курагиным – с событиями Отечественной войны 1812 года (окончательному варианту этого эпизода предшествовало несколько композиционно различавшихся редакций), писатель тем самым отчетливо обозначил внутреннюю связь между личной и исторической катастрофами. Причины у них общие: стремление к абсолютной, ничем не ограниченной свободе, обольщение ложными идеалами, измена традициям. Путь спасения и очищения также один – покаяние.

Гроза 1812 года, яркой вспышкой осветившая прошлое и настоящее, заставила лучших русских людей задуматься о судьбе отечества. Но по прошествии лет ложные идеалы вновь стали привлекать к себе нетвердых в вере и склонных к самообольщениям образованных россиян. О пристрастии к иностранцам с возмущением говорил грибоедовский Чацкий:

*Ах! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.*

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

Чтоб умный, бодрый наш народ

Хотя по языку нас не считал за немцев.

По словам Хомякова, люди *образованные*, оторвавшись от старины, «лишили себя прошедшего», «приобрели себе какое-то искусственное безродство» [6, с. 324].

Примечательно, что и С.Н. Глинка, описавший испепеляющий огонь 1812 года, в котором горели все «наши неправды» и, казалось бы, горело все, что должно было сгореть, не смог удержаться от выражения сомнения: «... но – догорело ль?» [3, с. 424].

Роман-эпопея «Война и мир» создавалась в то время, когда, по словам святителя Феофана, *урок* 1812 года начал уже забываться. К середине XIX века в русском *просвещенном* обществе повсеместно распространились такие духовные недуги, как неверие, ложные верования, нигилизм. Святитель Феофан Затворник призывал в это время опомниться и покаяться. Он предупреждал, что Господь может опять послать на нас «учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления». Удивительно созвучны этому предостережению святого старца вырвавшиеся из сердца слова русского офицера Василия Денисова, в сильных и резких выражениях делавшего свои замечания в эпилоге «Войны и мира» по поводу «глупостей», совершавшихся в Петербурге: «Прежде немцем надо было быть, теперь надо плясать с Татариновой и m-me Крюднер, читать... Экарстгаузена и братию. Ох! спустил бы опять молодца нашего Бонапарта. Он бы всю дурь повыбил» [7, с. 282].

1812 год стал для русских людей временем истинного самопознания. Волею Провидения Россия была проведена через спасительное для нее *очистительное страданье*. Увлеченные западным просвещением, бездумно отдавшие себя в добровольный духовный плен современники тех грозных событий обратились к вере, покаянию и молитве. *Урок* 1812 года, ставший предметом размышлений и для православных пастырей, и для русских писателей, навсегда останется живым назиданием для потомков.

Список литературы:

1. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. Изд. отдел Московского Патриархата. 1993.
2. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М., 1985.
3. Глинка С.Н. Из «Записок о 1812 годе» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987.
4. Слова к Тамбовской пастве Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого, в 1859 и 1860 годах. СПб., 1861.
5. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. В 2 т. М., 1911. Т. 2.
6. Хомяков А.С. Стихотворения. М., 2005.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М.; Л. 1928–1958. Т. 12. С. 245.
8. Творения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1994. С. 313–314.
9. Филимонов В.С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: Поэмы, стихотворения, басни, переводы. М., 1988.

Сведения об авторе:

Можарова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы Института мировых литератур имени А.М. Горького РАН (Москва, Россия).

Data about the author:

Mozharova Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Russian Classical Literature Department, Gorky Institute of World Literature (Moscow, Russia).

E-mail: mar-mozharova@yandex.ru.